



## ПАРЛАМЕНТСКИЕ СЛУШАНИЯ: ЕДИНЫЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЭКЗАМЕН

**Российский парламент обсуждает основные направления модернизации образования.**

**Пришло время объективно, трезво оценить ход, результаты и перспективность единого госэкзамена. Да, это принципиально: возможен ли качественный, демократичный и справедливый приём выпускников средних школ в отечественные вузы? ЕГЭ призван ответить на этот вопрос.**

**Состоявшиеся 10 декабря 2002 года парламентские слушания их участники назвали ключевыми, поскольку от них, от их оценок и рекомендаций будет зависеть, насколько оправдадут связанные с ним ожидания единый госэкзамен, призванный объединить объективность и неподкупность.**

**Обсуждаются, по сути, жизненные перспективы миллионов выпускников российских школ.**

**Вёл заседание председатель Комитета Государственной Думы по образованию и науке А.В. Шишов:**

— Мы все, наверное, согласны с тем, что в основе концепции модернизации лежат задачи улучшения качества образования и обеспечения его доступности — не формальной, а подлинной, гарантирующей отбор лучших. Единый госэкзамен — это один из инструментов, который должен решить эту проблему. Мало найдётся людей, которые назовут нынешнюю систему аттестации и тем более систему поступления в вузы справедливой, объективной, честной, эффективной. Жизненно необходимы очень серьёзные изменения. Сейчас цена «пятёрки» в разных школах разная, цена золотой медали также разная и в разных школах, и в разных субъектах Федерации. Есть регионы, где доля золотых медалистов уже превосходит все разумные пределы. Кого же это мы так обманываем?

Единый госэкзамен представляется нам перспективным инструментом. И мы хотим, чтобы эксперимент дал возможность принять взвешенные, предельно просчитанные решения, которые, наконец, смогут безусловно отвечать интересам общества.

Система единых экзаменов хороша уже тем, что не зависит ни от школы, ни от конкретного вуза, ни от членов приёмной комиссии. Это и есть обязательное условие независимости.



**...Результаты первых двух лет неплохие. Но нужно ещё и ещё раз очень тщательно и беспристрастно проанализировать итоги эксперимента. Замечаний много. Особенно много ошибок выявлено в контрольно-измерительных материалах. Часть замечаний удалось учесть, ошибки — исправить. Но, конечно, как в любом новом деле, здесь надо искать оптимальный вариант.**

А.В. Шишлов

Эксперимент по единым экзаменам расширил свою географию. В прошлом году в эксперименте участвовало пять субъектов Федерации, в этом году — 16. Число выпускников, сдававших ЕГЭ, выросло с 30 до 300 тысяч человек. 123 вуза принесли свидетельства о результатах ЕГЭ, причём 31 вуз — из регионов, которые в эксперименте не участвовали. По результатам ЕГЭ зачислены в вузы около 100 тысяч студентов. В этом году в эксперименте будут участвовать 48 субъектов Федерации — 600 тысяч человек.

Единые экзамены позволяют получить более объективные данные о качестве подготовки выпускников по сравнению с традиционной системой аттестации. Кроме того, в этом случае шире выбор вуза и специальности, можно участвовать в конкурсе в несколько вузов, не выезжая в город, где находится вуз, чтобы подать документы. Беспристрастные цифры показывают, что единые экзамены делают образование доступнее: в регионах, участвующих в эксперименте, гораздо больше выпускников сельских школ поступали и поступили в высшие учебные заведения.

Есть смысл, обсуждая сегодня вопросы ЕГЭ, разделять принципиальные методологические и технические вопросы, обсуждать принципиальные проблемы создания системы аттестации и системы поступления в вузы. Нет нужды доказывать, что новая система должна вызывать доверие общества. Только при этом условии ей может сопутствовать успех.

Другая группа вопросов, связанных с ЕГЭ, — экономика единых экзаменов, «цена» введения этой системы, её эффективности, окупаемость. Мы должны хорошо себе представлять, что в конечном итоге сможем выиграть и в финансово-экономическом плане.

Надеюсь, что мы сможем получить более определённые ответы на вопросы, связанные с финансовым и ресурсным обеспечением единых экзаменов. Нужно, наконец, иметь достаточно адекватное представление о том, насколько выгодно для общества введение новой системы ат-

тестации, потому что сегодня финансирование единых экзаменов идёт главным образом за счёт федеральной программы развития образования. Нам надо смотреть вперёд, видеть перспективу. Как это всё будет дальше финансироваться из бюджета, из консолидированного бюджета Российской Федерации?

Третья группа вопросов связана с тем, чтобы при переходе к единым экзаменам мы не потеряли фундаментальной направленности образования, чтобы была реальной возможность при аттестации выпускников оценивать не схоластические знания, не умение заполнять нужные квадратики в тестах, а фундаментальность, глубину знаний. Собственно, здесь-то и определяется успех аттестации, её ценность, её смысл вообще.

Особого обсуждения требует тема: ЕГЭ и талантливые выпускники. Тест иногда бывает трудно пройти человеку талантливому, который легко решает олимпиадные задачи, но может испытывать затруднения, отвечая на вопросы контрольно-измерительных материалов.

Ещё одна группа вопросов. Как учесть особые требования, особые критерии, которые сегодня предъявляются нашими ведущими вузами, желающими сохранить высокий уровень требований к своим абитуриентам, особое положение, свой престиж.

И разумеется, самым ответственным образом должны быть проработаны вопросы защиты от несанкционированного доступа к базам данных — контрольно-измерительных материалов прежде всего. Возможно, следует создавать большие массивы данных по контрольно-измерительным материалам — данных открытых, размещаемых в Интернете, а собственно экзамен проводить путём случайного выбора из огромного массива материалов. По некоторым предметам мы сможем вскоре реализовать именно такой подход.

Я бы предложил использовать тот опыт, который характерен для системы выборов, когда на избирательных участках во время выборов присутствуют наблюдатели.



При таком общественном контроле значительно вырастет доверие общества к единым экзаменам.

Полагаю, что когда эксперимент даст достаточную основу для того, чтобы принять решение о переходе к единым государственным экзаменам в общегосударственном масштабе, то это решение должно приниматься на уровне федерального закона. И такой способ позволит решить очень много вопросов, которые сегодня пока существуют.

Общая наша цель, на мой взгляд, — создать такую систему аттестации и контроля качества образования, такую систему конкурсного приёма в вузы, которая была бы эффективной и пользовалась бы доверием общества.

**И.М. Хакамада, заместитель Председателя Государственной Думы (курирует вопросы образования)** отметила, что в области модернизации образования мы слишком увлекаемся новыми технологиями, забыв о самом основном — о том, что ни новые стандарты образования, ни введение единого госэкзамена коренным образом не решают проблемы качества образования, потому что учителя, их зарплата находятся на уровне выживания.

— Я обращаюсь к министру образования России с просьбой ещё раз проконтролировать и посмотреть, что происходит у нас с бюджетами субъектов Федерации, почему возникает задолженность с выплатой даже мизерной зарплаты учителям.

Сегодня обсуждается наиболее спорный момент в модернизации образования: единый госэкзамен имеет много позитивного, равно как и негативного. Подводных камней достаточно. Позитив я вижу в том, что вырастает статус школы, возникает более унифицированная система продвижения выпускников школ по пути получения как профессионального, так и высшего образования. Это — действительно прогресс, это шаг в демократию. Появляется возможность создать равные условия для всей молодёжи страны. Каждый выпускник школы получает шанс,

сдав экзамены по единым тестам, стать студентом любого вуза России. С другой стороны, всё больше растёт сопротивление, особенно упорное со стороны элитных вузов, которые считают, что тест — чрезмерное упрощение и потому не может выявить реальных знаний выпускника школы. Многие элитные вузы требуют сохранить для них прежнюю систему сдачи экзаменов.

Полагаю, что сегодняшняя дискуссия призвана выявить самые сложные проблемы, которые возникнут при широкомасштабном распространении процедуры единого госэкзамена и, может быть, найти некий компромисс для тех высших учебных заведений, которые считают, что подобное тестирование не выявит подлинное качество знаний поступивших в вузы. Надо надеяться, что мы сможем также обсудить проблему: каков должен быть государственный контроль за тем, как сдаются экзамены.

**В.М. Филиппов, министр образования России:**

— Сегодня налицо общемировая тенденция, мы видим её и в России. Она такова: не человек бежит куда-то далеко за образованием, а, наоборот, образовательные услуги идут к человеку. И выпускник школы из Якутии, из Сибири, с Дальнего Востока вовсе не должен находить огромные деньги, чтобы поехать в Москву, Санкт-Петербург или другой крупный центр и попытаться (только попытаться!) поступить в университет. У каждого должна быть возможность поступить в вуз на основании полученных в школе знаний. Единый экзамен такую возможность даёт, без преувеличения, каждому. Утверждаю, потому что убеждён: единый госэкзамен повышает качество образования в школе, его оценка становится более объективной. Учителю ведь придётся отвечать, почему его ученики сдали экзамен хуже, чем в соседней школе. Волей-неволей, в силу необходимости все будут подтягиваться.

О репетиторстве. Назову некоторые цифры. В каждом вузе есть примерно 10 комиссий по приёму вступительных эк-

**...Мне кажется всё более приемлемой такая компромиссная форма, как квотирование, т.е. выделение определённого числа мест для абитуриентов высших учебных заведений, сдававших единый экзамен, а остальные будут сдавать экзамены по традиционной форме.**

И.М. Хакамада



заменов: в каждой комиссии как минимум десять человек, всего примерно 100 преподавателей, которые занимаются приёмом экзаменов.

Мы с вами прекрасно знаем, что многие вузовские преподаватели живут неважно и поэтому занимаются репетиторством. В среднем у каждого из них примерно пять учеников. Если при этом он член приёмной комиссии по этому предмету, то, как правило, его ученики хорошо сдают экзамены, потому что они действительно знают то, что спрашивают в данном вузе. И вот вам 500 поступивших.

В стране 600 вузов. 500 умножаем на 600, получим 300 тысяч. А бюджетный приём в вузы страны — чуть больше 350 тысяч. Вот и получается, что сейчас на бюджетные места поступают те, кто готовился с репетиторами, а это ведь коррупционная система приёма, о равенстве возможностей говорить не приходится.

...Единый госэкзамен должен быть дополнен системой олимпиад, которые следует проводить в каждом райцентре, в каждом субъекте Федерации, а также непременно на федеральном уровне. Сейчас мы принимаем в вузы по закону «Об образовании» только победителей Федеральной олимпиады. А сколько этих победителей? Пять человек. Олимпиад — 20, значит, 100 человек на все вузы, на миллион принимаемых всего 100 человек, вероятно, очень талантливых, поступают без экзаменов. Конечно, надо сделать так, чтобы без экзаменов поступали и победители региональных олимпиад, хотя бы в вузы своего региона.

Это поднимет престиж местных олимпиад, в выигрыше окажется школа, поскольку интерес к учебным предметам непременно вырастет.

**В.А. Болотов, первый заместитель министра образования России,** напомнил собравшимся, что единый экзамен — это обусловленная реальной ситуацией попытка создать независимую систему оценки качества обученности в системе общего образования, такой оценки, которая принималась бы как

заслуживающая доверия и школой, и вузом. Именно это — цель единого экзамена, таким и был первоначальный замысел. И для решения этой задачи необходимы: независимая комиссия, независимая оценка, независимая процедура независимой оценки.

— Необходимы единые контрольно-измерительные материалы. Эти материалы состоят из трёх блоков. Первая часть — вопросы с выбором ответов. И в каждом вопросе мы попытались ввести, говоря языком тестологии, ответ-ловушку: если есть правдоподобный ответ, то человек, не владеющий материалом, скорее всего выберет правдоподобный, а не правильный ответ.

Второй блок вопросов — это задания, ответы на которые экзаменуемый должен записать формулой, буквой, цифрой.

Наконец, третье — открытое задание. По физике, химии, математике — это обычное задание, по гуманитарному блоку предметов — это более сложные задания, где требуется проанализировать тексты, дать рецензию, сравнить аргументацию авторов.

Все эти контрольно-измерительные материалы создаются группами школьных работников, сотрудниками Российской академии образования и представителями вузов. Мы объявляем конкурс и получаем предложения со всех концов России.

Сегодня по математике у нас уже почти 10 тысяч отдельных заданий. Надеемся, что в будущем году сможем «повесить» задания в Интернете, сделать их на печатных носителях, разослать по городам и школам. 10 тысяч заданий позволят избежать упрека в репетиторстве и натаскивании.

Для процедуры независимой оценки нужно создать региональные государственные экзаменационные комиссии, где будут два соруководителя: начальник органа управления образованием и председатель совета ректоров этого субъекта Федерации.

Дальше. Нужны предметники. Опыт пилотных регионов показывает, что работу предметных комиссий в субъектах Федерации возглавляют представители выс-

**Единый экзамен не решает и не может решить всех проблем объективного приёма в высшие учебные заведения. Но он решает многие из них, основные.**

В.М. Филиппов



шей школы (они хорошо знают систему предметных экзаменов в вузы, систему олимпиад для школьников). В некоторых регионах в эти предметные комиссии входят ещё представители техникумов. Предметные комиссии проверяют открытые задания части «С», потому что части «А» и «Б» может прочитать компьютер, тут ведь есть ключи, есть программное обеспечение, и мы отмечаем: задания решены или нет. А вот открытые задания никакой компьютер не проверит, их проверяют предметники — представители средней и высшей школ.

Для процедуры независимой оценки нужны также соответствующим образом оборудованные пункты, где проводится единый экзамен. В этом пункте, даже если он на базе школы, руководит не школьный директор, а региональная государственная экзаменационная комиссия, в котором представлены и вузы, и ссузы, и общеобразовательные школы.

Нужна для единого экзамена хорошо организованная информационная среда. Вопросами, относящимися к группам «А» и «Б», занимаются в Москве в Центре тестирования. Часть «С» проверяется непосредственно в субъекте Федерации. Всё необходимое, все данные нужно собрать вместе. По итогам обработки результатов, благодаря экспертам и компьютерам, мы получаем результаты единого экзамена, которые поступают в Министерство образования России. Проводим шкалирование по этим результатам. В итоге шкалирования получают два вида результатов. Первый — для школьных аттестатов. Напомню, что по правилам единого экзамена в школьный аттестат выставляется более высокая оценка, полученная по ЕГЭ, и текущая годовая оценка по школьному экзамену, из них выбирается (при разнице в 1 балл) более высокая, она и выставляется в аттестат.

Первый год в эксперименте участвовали 16 вузов, второй год — 117 вузов, в этом году планируется участие 245 головных вузов без филиалов. В прошлом году было 10 министерств, чьи вузы принимали

участие в эксперименте, в этом году дали согласие на участие 15 министерств.

Теперь учебные предметы. Самый популярный — математику — выбрали 48 регионов; 38 регионов выбирают русский язык.

В прошлом году в эксперименте не принимали участия учреждения среднего профессионального образования. А теперь их уже немало.

Насколько коррелируют результаты обучения в школе с результатами единого экзамена? Пятёрок и четвёрок стало меньше, увеличилось число троек. Около 7 с лишним процентов — «неудов», по некоторым предметам до 12% двоек доходило. Но если школьник допущен до выпускных экзаменов, значит, у него «тройка» уже есть. А «неуды»? Они в аттестатах — «тройки». В вуз абитуриент приносит свои 10, 12–15 баллов, которые он набрал. При этом, если возникал вопрос, что ставить — «четвёрку» или «пятёрку», мы ставили «пятёрку». То есть условия для выпускников школы были щадящими. И у большинства детей отметка школьного аттестата совпадала с текущей итоговой оценкой.

По математике статистика такова. Значительная часть результатов ЕГЭ и текущей успеваемости совпадает. «Троек» у нас 61% и как годовой результат, и по ЕГЭ; 55% «четвёрок» и 46% «пятёрок» тоже совпадают. 22% — это ребята, которые в школе имеют «тройку», но по итогам ЕГЭ получили «двойку». 38% четверочников получили либо «тройки», либо «двойки» по итогам ЕГЭ. И соответственно 54% пятёрочников получили либо «четвёрки», либо «тройки», а то и «двойки».

Но есть и обратный процесс. У нас 17% троечников на ЕГЭ получили «четвёрки» и «пятёрки». Т. е. часть школьников по итогам ЕГЭ выиграла, в аттестат они получили более высокую оценку, чем был бы у них по итогам года: 16% троечников получили «четвёрки» и «пятёрки», и 7% четверочников получили в свои аттестаты «пятёрки» — все они показали результат выше школьного.

**Выпускник школы получает по итогам единого экзамена свидетельство, результаты которого оцениваются по 100-балльной шкале. Это свидетельство заполняется в Центре тестирования Минобробразования России; абитуриент его получает и может направить свидетельство в те высшие учебные заведения, куда он хотел бы поступать.**

В.А. Болотов



**...Обеспокоено введением ЕГЭ и школьное учительство. Чего боятся учителя, директора школ? Что итоги единого экзамена станут основанием для «карательных санкций».**  
**Позиция Министерства образования, разделяемая абсолютным большинством руководителей органов управления образования, такова: мы категорически запрещаем брать результаты ЕГЭ как основание для аттестации учителей и это — на весь период эксперимента. По итогам эксперимента будем обсуждать варианты возможного использования его результатов, но сейчас — ни в коем случае.**

В.А. Болотов

На нашем сервере [www.EG.ru](http://www.EG.ru) вы можете увидеть образцы контрольно-измерительных материалов, познакомиться с вопросами и высказываниями по поводу единого экзамена.

Считаем, что впервые получена объективная картина успеваемости в конкретной школе, в конкретном районе. Эта картина нас и радует, и огорчает. Некоторые прославленные гимназии и лицеи, которые традиционно были на хорошем счету, вдруг показали результаты, мягко говоря, ниже среднего. Но были и никому не известные сельские школы, где работают талантливые учителя, и вот — высокий результат в итоге.

Очень активно подключаются к эксперименту высшие учебные заведения. Во всех пилотных регионах все вузы заявили о своём более широком участии.

У нас сегодня есть предложение от Санкт-Петербургского совета ректоров, согласованное с губернатором города, об отработке моделей участия в ЕГЭ вузов Санкт-Петербурга. Обсуждаются условия участия в эксперименте Дальневосточного государственного университета, Красноярского государственного торгово-экономического института, где результаты ЕГЭ будут учитываться при поступлении на все специальности (вуз даже не нашего подчинения).

Опросы общественного мнения показывают, что увеличилось число тех, кто поддерживает введение единого экзамена. 50% населения поддерживали единый экзамен в прошлом году, и 61% поддерживает его введение в этом году — это данные ВЦИОМа. Однако надо учитывать и мнение тех, кто против, кто сомневается. Прежде всего — родителей, и особенно родителей медалистов. Во всех регионах нам задают вопросы: что будет с выпускниками гимназий, потеряют ли они при введении единого госэкзамена, при введении обязательной математики золотую медаль? Если в гимназии изучали в старших классах физику и математику, то изменения были незначительными: в 16 пилотных регионах медалистов стало только на 2–3% меньше по сравнению с прошлым

годом. Подчёркиваю, это за счёт принципа «плюс один балл».

Но есть гуманитарные гимназии, где вместо математики и физики изучают историю, географию. И они спрашивают: «Что нам делать? Как мы будем сдавать единый экзамен?» Единственный вариант — немедленно взяться за физику и математику. Других вариантов нет, если хочешь иметь аттестат о полном общем образовании.

Выражают беспокойство и родители ребят из сельской местности. Но уже есть статистика: 2–3% «прироста» в вузах пилотных регионов дали именно сельские. Но напомним, что целевой приём никто не отменял и отменять не будет.

Очередная «группа риска» — это люди, которые занимаются довузовской подготовкой школьников, подготовкой абитуриентов для своего высшего учебного заведения. Центры довузовской подготовки, которые ведут подготовительные курсы, и отдельные вузы уже заявляют, что они адаптировались: стали готовить к поступлению в вуз с учётом новой специфики вступительных экзаменов.

Многие ректоры слёзно жалуются: «Мы теряем одарённых детей при этом едином экзамене». Однако уже есть области, где несколько выпускников школ набрали максимум при сдаче ЕГЭ. И ни один из тех вузов, которые оплакивают судьбу одарённых детей, не захотел пригласить этих талантливых сельских ребят! Как это назвать?

Теперь — две задачи на будущий год. Первая — технология работы, ведь второе увеличивается число регионов и более чем вдвое — число выпускников школ, принимающих участие в ЕГЭ. Мы два раза в неделю обсуждаем, что в технологии проведения ЕГЭ надо укрепить, что уточнить, от чего, может быть, и отказаться, чтобы мы смогли адекватно ответить на это увеличение объёмов работ. Во всех регионах мы этому уделяем самое большое внимание.

И вторая, супертяжёлая задача — это организация информационного пространства. Если мы на самом деле хотим дать ребятам возможность поступать в два, три,



в четыре вуза, нужно очень аккуратно организовать обмен информацией. Ведь выпускник подаёт документы в несколько вузов. И если даже несколько вузов его зачислили, выбирает он из них только один. Что делать тем вузам, которые его приняли, но он к ним не принёс аттестат? Принимать следующего по рейтингу. Эту очень непростую проблему без использования современных информационных технологий, конечно, не решить. Определённые шаги в этом направлении мы делаем вместе с вузами. Опыт есть. У нас есть надежда, достаточно обоснованная, что мы сможем провести эксперимент и в 48 регионах.

**О.Н. Смолин, заместитель председателя Комитета Государственной Думы по образованию и науке:**

— Попробуем оценить «плюсы» и «минусы» единого экзамена. Плюсы: есть уже немалый международный опыт, единый экзамен практикуется во многих развитых странах мира (правда, не как единственное условие поступления).

Предполагается, что будут устранены психологические перегрузки, поскольку человек будет сдавать одну серию экзаменов, а не две.

Предполагается, что успешнее будет борьба с коррупцией, поскольку приёмные комиссии будут ликвидированы вместе с практикой прямых и косвенных взяток в форме репетиторства и прямых взяток. Прогнозы оптимистичны, но возникает целый ряд вопросов.

Первый из них — сохранятся ли при поступлении в вузы льготы для детей-сирот, детей-инвалидов, для участников боевых действий и других категорий граждан, которые сегодня имеют льготы согласно действующим законам? Говорят, что эти льготы будут сохранены, но я пока соответствующих документов не видел. Между тем эти льготы хоть как-то уравнивают возможности, поскольку ни для кого не секрет, что в России это неравенство возможностей превысило допустимые пределы.

Теперь о качестве измерителей, соотношении эрудиции и творческих способностей. Мы знаем, что существует измерите-

ли, ориентированные на память, на эрудицию, а не на выявление творческих способностей. Понятно, выходцы из каких социальных слоёв, из каких семей окажутся в выигрыше при таком положении, получат решающее преимущество при поступлении в вузы. Там окажутся ребята с цепкой памятью, с отличной эрудицией, но не с должными творческими способностями.

Для меня антикоррупционные достоинства единого экзамена не вполне очевидны. Я знаю, что в Москве уже есть псевдорепетиторские фирмы, которые ожидают введения единого экзамена. Полагаю, что с крупными территориальными комиссиями наладить отношения будет легче, чем с многочисленными комиссиями в вузах. Кодирование и анонимность всех проблем не решают. Есть и возможности изменять результаты при компьютерной обработке.

Я готов признать, что академическая мобильность вырастет — для тех, у кого есть деньги, удобнее станет из Сибири поступать в московские вузы. Но абитуриенты не едут в московские вузы главным образом потому, что уровень жизни в Москве в несколько раз выше, чем в других городах, не говоря уже о сёлах. И если даже выпускник школы очень хорошо сдаст единый экзамен, как же он сможет учиться и жить в Москве, если его родители получают в своём городе или селе зарплату, на которую в столице и несколько дней не проживёшь? Не у всех вузов есть общежития. Где жить студенту? Снимать квартиру? Ясно, что эти вопросы нужно решать.

ЕГЭ лишает выпускника возможности исправить ошибку. Ведь любой экзамен — это своего рода лотерея. Понятно, что результат зависит не только от уровня подготовки, но в какой-то мере и от случая. Сейчас выпускники школ сдают документы сразу в несколько вузов. Не прошёл в один, есть шанс поступить в другой. Система единого экзамена такое право на ошибку ликвидирует, потому что экзамен можно сдать только один раз.

Для того чтобы обеспечить чистоту эксперимента, нужно, во-первых, отказать-

**...Обязательно должны быть сохранены существующие льготы и число бесплатных учебных мест на десять тысяч населения.**

О.Н. Смолин



**...Окончательное решение должно вводиться как закон, который обсуждается в двух палатах Парламента, получает заключение Правительства.**

О.Н. Смолин

**...Если прежде сельскому жителю корову надо было зарезать, чтобы сына или дочь отправить в город на экзамены в вуз, то теперь надо просто отослать документы.**

Е.И. Михайлова

ся от материального стимулирования участников эксперимента. Во-вторых, подводить итоги эксперимента целесообразно поручить межведомственной комиссии с участием Министерств образования, здравоохранения, культуры, Российской академии наук и Российской академии образования, парламентских комитетов, Российского союза ректоров, ЦК профсоюзов, негосударственных ассоциаций профессиональных учебных заведений и других организаций.

**Е.И. Михайлова, министр образования Республики Саха (Якутия)** считает, что наконец-то система образования становится открытой и учителя не сами себе оценки будут выставлять.

— В Якутии в прошлом году 9% выпускников получили «5», десять человек получили 100 баллов. В этом году четыре выпускника получили 100 баллов по итогам единого экзамена по математике.

У нас резко подскочили цифры поступления в высшие учебные заведения. Если мы раньше говорили, что 20–25% — это нормальная цифра, то сегодня 57% и более выпускников поступили в вузы, 23% — в средние специальные учебные заведения. Из них половина выехали за пределы республики.

Ещё хороший результат. Он состоит в том, что на 10 тысяч населения в 1999 г. у нас было 93 студента, в этом году — уже 330 студентов.

По поводу качества образования сельских школьников. Раньше постоянно говорили о большом разрыве в знаниях городских и сельских ребята. Но введение единого экзамена (у нас все выпускники участвовали в эксперименте в этом году) позволило поступить 60–70% сельских школьников (было 30%). Городских школьников поступило 56% (раньше поступало 75–80%). Очень хорошо, что абитуриенты подают документы в несколько вузов или ссузов, и более 60% наших детей подали документы на две и более специальности. Полагаем, что список специальностей, где учитываются результаты ЕГЭ, должен постоянно расширяться.

**И.И. Мельников, депутат Государственной Думы:**

— Я, пожалуй, должен себя отнести скорее к противникам той модели единого экзамена, которая сейчас внедряется в сферу образования.

Я был членом рабочей группы Госсовета, которая готовила концепцию модернизации образования. И на её заседании обсуждались вопросы, которые вызвали бурные споры (и на заседании Правительства тоже). Какие вопросы? Судьба сельской школы, вопросы, связанные с государственной поддержкой системы образования, улучшением материального положения и повышением социального статуса учителя, проведением единого экзамена.

Я считаю, что был найден разумный компромисс по всем основным вопросам. О том, как важно придерживаться компромисса, говорили на заседании Госсовета. Пожалуй, это составляло центр той дискуссии, которая была на заседании Правительства.

Как развивается ситуация сейчас? По-моему, началась ревизия принятой на заседании Госсовета концепции модернизации образования, по крайней мере, в ряде её позиций. Были пересмотрены, а фактически убраны из документа все более чем скромные показатели по социальной поддержке учителя, по вопросам, связанным с ответственностью государства перед системой образования. В результате уже в бюджете этого года заложен рост расходов на образование всего на 21,89%. Между тем в материалах Госсовета было записано, что расходы на образование из федерального бюджета ежегодно должны увеличиваться на 25% — и это минимальная цифра. Где это всё?

На заседании Госсовета было принято чёткое решение о необходимости экспериментальной отработки различных форм единого экзамена. Речь шла о том, что эта отработка будет продолжаться 7–8 лет! После этого независимая комиссия должна была подвести итоги эксперимента, оценить его результаты и представить их педагогическому сообществу и обществу в целом.





К самой идее единого госэкзамена многие относились осторожно, но признавались, что теоретически идея привлекательна и надо в рамках эксперимента посмотреть, как она будет работать на деле. Однако действия Министерства образования говорят о том, что идёт не эксперимент, а поэтапное внедрение единого экзамена в практику. И по разным оценкам только из федеральной программы развития образования на эксперимент по ЕГЭ уходит от 300 до 500 миллионов рублей.

Нерешённой остаётся ключевая проблема — объективность проведения экзамена. Данные за 2002 год по ряду регионов, в том числе Чувашии, Якутии, Ростовской области, настолько выделяются среди остальных, что подрывают доверие к механизмам, лежащим в основе единого экзамена. Кстати, основной статистики мы с вами так и не знаем. Но и по отрывочным данным можно сделать вывод, что опасения, которые высказывало педагогическое сообщество в связи с единым экзаменом, во многом оправдываются. Проблема объективности далека от желанного решения. Тут и утечка информации, и подтасовка, и нелегальные конторы по подготовке к единым экзаменам.

Думаю, что по мере увеличения числа регионов и резкого увеличения числа школьников, которые будут принимать участие в едином госэкзамене, и проблемы ещё более обострятся. Получается, что мы одну несовершенную систему оценки знаний меняем на другую, столь же, если не более, несовершенную.

Сторонники перехода на единый госэкзамен очень часто ссылаются на аналогичный опыт в других странах. На самом деле предлагаемая модель существенно отличается от западного образца. Ключевая позиция западной модели — отсутствие административного вмешательства. Там вузы не получают заданий: зачислить не менее 50% новых студентов по результатам ЕГЭ. «Там» каждый вуз самостоятельно решает, учитывать или не учитывать, и в какой мере учитывать результаты единого госэкзамена. Для кого-то результатов тестирова-

ния достаточно, для кого-то — нет. Но так или иначе, «на Западе» это свободное решение вуза, не ограниченное в правах какими-то директивами сверху.

У нас в стране тоже есть свой собственный, почти 10-летний опыт так называемого централизованного тестирования школьников. В этом тестировании очень много схожего с единым госэкзаменом, но сама процедура и организационно, и методически, и содержательно отработана лучше. И уже более 400 вузов учитывают результаты этого тестирования при отборе абитуриентов. Если вуз уверен, что эта работа делается качественно, на хорошем уровне, он готов воспользоваться таким механизмом и сэкономить собственные средства, предназначенные для отбора абитуриентов. К тому же сами вузы принимают активное участие в тестировании, доверие к которому намного выше, чем к заданиям и процедуре организации единого госэкзамена.

По модели организации и по её осуществлению централизованное тестирование более прогрессивно, чем единый госэкзамен. Каждый вуз самостоятельно, в зависимости от своей специфики, может определять, как, в какой мере учитывать результаты централизованного тестирования. Это настоящая свобода выбора. А когда есть принцип добровольности в том, насколько учитывать результаты тестов, то именно качество организации тестирования становится стимулом.

**И.И. Калина, начальник Главного управления образования Оренбургской области**, выразил сомнение в обязательности экзамена по математике, который требует львиной доли затрат финансовых, организационных, транспортных и человеческих ресурсов, хотя свидетельство с соответствующим результатом нужно далеко не всем выпускникам. Гораздо разумнее, полагает выступающий, снять обязательность экзамена по математике в форме ЕГЭ.

— А вот что очень похоже на недоразумение, так это отсутствие обязательного именно в форме ЕГЭ экзамена по русскому языку. Как же так? Ведь это — государст-

**...Внедряемая система отодвигает вузы от активного участия в отборе своих абитуриентов — тех, кто хочет учиться в определённом учебном заведении (а не в каком-нибудь вообще). Только живой экзамен даёт шанс абитуриенту показать не натасканность, а умение думать, готовность к восприятию материала, который будет предложен в учебном заведении.**

И.И. Мельников



венный язык России, экзамен по нему есть во всех вузах. Но вряд ли необходимо вводить в КИМы на обязательном для всех экзамене часть «С». Ведь именно по русскому языку проверка части «С» особенно трудоёмка и наименее объективна. Сочинение же может остаться экзаменом по выбору в школе и творческим испытанием для поступающих на гуманитарные факультеты.

Для полного и объективного анализа результатов ученика, школы и всей системы общего образования в целом должна быть утверждена обязательность для каждого выпускника сдачи в форме ЕГЭ не менее трёх предметов плюс «в придачу» к русскому языку, но только по собственному выбору.

Конечно, есть у ЕГЭ и другие, требующие устранения, недостатки, но они скорее технологического порядка. Но и при этих недостатках эффективность ЕГЭ намного выше, чем эффективность выпускных и вступительных экзаменов в традиционной форме.

Именно ЕГЭ становится началом настоящего системных изменений в образовании, так как он меняет главное: характер отношений между основными элементами системы образования — учителями, учениками, родителями.

Конечно, ЕГЭ всех проблем не решает. Но, главное, что он, с его пусть непривычными, но едиными для всех правилами может и должен вернуть в систему общего образования то, чего сегодня слишком мало и без чего школа себя не оправдывает — качественный учебный труд учеников и педагогов. Мотив этот предполагает объективную оценку результатов учебного труда.

Единый госэкзамен окажет огромное воспитательное воздействие. Слишком уж популярной и вредоносной стала в последние годы «истина»: суровость российских законов компенсируется необязательностью их исполнения. К сожалению, процедура традиционных выпускных экзаменов, особенно сочинения, во многом подтверждает верность этого суждения. Зато ЕГЭ показал, что законы, правила надо знать

и обязательно исполнять. И это отлично воспитывает и юных, и зрелых. Верно также, что единый экзамен имеет огромное социальное, политическое значение. Люди начинают верить в то, что результаты выпускных и вступительных экзаменов, а значит, и возможность будущего успеха в жизни не зависят от материального, общественного положения родителей, а зависят от личных способностей и труда.

У себя в области мы, совместно с вузами, не дожидаясь ЕГЭ и Государственной аттестационной службы, предпринимали и раньше попытки совершенствовать систему оценки результатов учебного труда школьников. Что у нас было?

Активное участие во всех видах централизованного тестирования, жёсткий государственный и общественно-профессиональный контроль выпускных экзаменов с привлечением независимых «медальных» комиссий, телерадиосредств для передачи ещё с 1997 г. экзаменационных тем и заданий; предметные олимпиады с последующим зачислением победителей в вузы области, совмещение в 2001 г. для сельских школьников, желающих поступить в аграрный университет, выпускных экзаменов со вступительными, которые сдавались в районных центрах комиссиям (в их составе были учителя, преподаватели вуза, представители администрации, родительской общественности) — всё это было хорошей подготовкой к участию в ЕГЭ. У министерства, вузов, наблюдателей, участников единого экзамена не было к нам претензий по организационным вопросам. Хорошо показали себя и городские и сельские школьники, которые очень активно участвовали в ЕГЭ. Надеемся, что они наконец-то поверят, что стране нужны их способности и трудолюбие.

**Д.В. Аносов, председатель комиссии по образованию отделения математики Российской Академии наук,** полагает, что трудно обсуждать итоги эксперимента, потому что они, по существу, не опубликованы.

**...Единый госэкзамен стал очень серьёзной проверкой региональной системы образования на организованность, управляемость и работоспособность.**

И.И. Калина



— Часто ссылаются на зарубежный опыт работы по ЕГЭ. Действительно, во Франции, скажем, принимают в вузы по ЕГЭ. Но принимают там студентов раза в два больше, чем предполагается подготовить специалистов. Через год, после переводного экзамена, половина студентов будет вынуждена уйти. Практика достаточно жёсткая. А мы можем себе позволить такой опыт? Пожалуй, нет. Не говоря о других причинах, у нас на это нет средств.

Постоянно говорят о репетиторстве. Полагаю, что репетиторы как были, так и останутся. Только если нынешние репетиторы дают знания, то репетиторы по ЕГЭ будут натаскивать на соответствующие задачи, будут учить, как угадывать ответы. А это уже не знание, а нечто совсем иное. И слишком уж много вопросов, на которые энтузиасты единого экзамена отвечают далеко не убедительно.

**С.К. Комков, президент Всероссийского фонда образования:**

— Сегодня мы услышали оценку эксперимента из уст руководителей Министерства образования. В международной практике это нонсенс — оценку всегда дают независимые эксперты. Только независимый эксперт, который обладает должной информацией и достаточной широтой суждений и знаниями, может дать обоснованное заключение относительно того или иного эксперимента. А у нас министерство само себя подбадривает и хвалит. И это называется анализом.

На самом деле у нас уже есть прекрасная практика единого экзамена, практика, за много лет отработанная: вузовские преподаватели работают с конкретными своими будущими абитуриентами, с конкретной школой, с конкретным лицеем. Экзамены в школе проводятся с активным участием преподавателей вуза; результаты такого экзамена засчитываются как вступительные. Чем это не единый экзамен? Это ведь и есть совмещённый экзамен школы и вуза. Но сейчас он отменён (разрешено только один-два раза его провести тем вузам, с которыми у школ оплачены договора).

Сегодня надо поднимать систему профессионально-технического образования. Мы её загубили, забыли о том, что нужны не только специалисты с высшим образованием, нужны также квалифицированные работники среднего звена, которых катастрофически не хватает. Поэтому я хочу призвать всех присутствующих всё серьёзно взвесить. Единый экзамен по той схеме, которая сегодня предлагается, считаю, губителен для России. Ещё и ещё раз он должен быть осмыслен, проанализирован специалистами, экспертами.

**Я.И. Кузьминов, ректор Государственного университета Высшей школы экономики:**

— Я — сторонник единого экзамена и в какой-то мере приложил руку к тому, чтобы этот эксперимент начался. Но считаю, что сейчас нам надо очень серьёзно проанализировать те риски организационного характера, которые присущи процедурам единого экзамена. Есть проблемы, которые надо решать безотлагательно. Имею в виду методику сдачи единого экзамена на соответствующих пунктах. И тут ещё проблема: поиск контроля, и ещё — гарантии от того, чтобы кому-то помогали, за кого-то писали... Проблемы эти сегодня удовлетворительно не решены. Нам нужно очень плотно сотрудничать с общественными организациями, к чему совершенно не приучены региональные департаменты и в целом система управления образованием. Нужно так же, как на выборах, приглашать представителей общественности, родительских комитетов на каждый такой пункт. Я совершенно согласен с коллегами, критикующими единый экзамен, что именно сейчас, пока эксперимент не расширился до необратимых размеров, нужно свести к минимуму риски, которые мы с вами уже чувствуем, видим и предвидим.

А что же у нас с содержанием единого экзамена? Высшие учебные заведения практически не приняли участия в разработке требований к третьей части заданий, по которой престижные вузы собираются зачислять студентов. В связи с этим хочу немного рассказать о том, что делает наша

**...Немаловажный вопрос: что, те 500 миллионов рублей, которые сегодня уже уходят на ЕГЭ, лишние? У нас сегодня не выплачивается заработная плата учителям. Можно найти более достойное применение государственным деньгам, а введение 100-балльной системы надо пока отложить.**

С.К. Комков



Высшая школа экономики. Мы четыре года назад перешли на практически полутестовый письменный формат вступительных экзаменов и в значительной мере отсекали нарощую вокруг высшего учебного заведения компанию, которая очень хорошие деньги зарабатывала на поступлении в наш вуз. И для меня это довольно серьёзный шаг как для ректора.

Я выступал на учёном совете против перехода на чисто письменный тест. Прекрасно понимаю, что когда ты видишь в лицо человека, который к тебе поступает, когда ты можешь с ним поговорить, оценить, как он рассуждает, какова его культура, это всё влияет на оценку, которую ставишь. И любой мастер, когда он выбирает подходящего ученика, должен на этого ученика посмотреть. Но в конечном счёте коллеги меня переубедили, и сейчас я думаю иначе. Действительно, в наш вуз поступает около 4–5 тысяч человек. Разве я и ведущие педагоги, их 50–70 человек, с каждым из них можем поговорить? Нет, с ними будут говорить другие люди, порой даже у нас не работающие. И много ли у них времени будет на устном экзамене, чтобы поговорить, оценить неординарность мышления абитуриента? Ответ ясен. А тогда зачем так уж настаивать на устном экзамене?

По методике ЕГЭ за 2 года у нас поступили 110 человек. Все они учатся. Я не могу сказать, что это самые лучшие или худшие студенты, но никто из них не отчислен, а у нас учиться тяжело, у нас жёсткие требования.

Самые талантливые — это люди с неординарным мышлением. Они мыслят неординарно, то есть не на уровне ответов, а на уровне постановки вопросов. Поэтому для них единый экзамен нужно дополнить системой федеральных олимпиад. И проблема комплектования так называемых элитных вузов таким образом практически решается. Справедливым, безусловно человеческим образом.

Мы пошли на этот эксперимент и не видим для себя необходимости в каком-то дополнительном экзамене, потому что мно-

гие из тех, кто сейчас к нам поступил и благополучно учится, никогда бы (мы спрашивали) даже не думали о том, чтобы ехать в Москву и поступать в московские вузы.

#### **Е.Я. Коган, руководитель Департамента науки и образования Самарской области:**

— Мы начинали вводить единый экзамен с одного предмета — физики. В этом году провели полномасштабный экзамен по всем девяти учебным предметам. В экзамене участвовали десять региональных вузов, более половины техникумов и колледжей также включились в эксперимент по ЕГЭ. О каких проблемах есть смысл говорить?

Думаю, что общественная дискуссия не может быть развёрнута вокруг проблемы тестов. Это одна из сложнейших задач формирования системы экспертизы, задача для профессионалов, которую бессмысленно обсуждать в сколь угодно авторитетном сообществе.

Когда я слышу, как легко мы здесь заявляем, что вот этот тест не проверяет знание такого-то материала, а этот не отвечает на такие-то вопросы, остаётся только пожалеть плечами. Никто ведь не выносит на общественное обсуждение проблем эффективности того или иного лекарства!

Мы почему-то не задаём вопрос: а ведь та же самая система тестов сегодня существует в общей системе, к которой мы все привыкли и так легко называем её несовершенной. Разве вопросы, которые сегодня есть в экзаменационных билетах, — это не тот же тест? Почему мы не предъявляем претензий к качеству этих вопросов?

Что, на наш взгляд, дал нам сегодня единый экзамен? Мы провели его в этом году, наверное, в самом большом, среди всех принимавших участие регионов, масштабе. У нас прошло 55 тысяч человеко-экзаменов, 32,5 тыс. человек сдавали математику — даже в школах, которые находятся в местах исполнения наказаний, в вечерних школах, так что мы имеем полную картину.

Могу констатировать известную меру удовлетворённости 112 центров, в которых

**Мы сравниваем единый экзамен с некой идеальной моделью и тогда сразу же видны его несовершенства. А сравнивать надо с тем далеко не идеальным состоянием, в котором мы сейчас находимся и благодаря которому обществу не доверяет процедуре приёма в вузы, и тогда становятся очевидными достоинства ЕГЭ.**

Я.И. Кузьминов



проводился единый экзамен, работали чётко. И предметная, и экзаменационная, и главная аттестационная комиссии работали вполне нормально.

Совсем недавно я был в одной из очень отдалённых деревень, и мне в маленькой школе (на 100 человек) директор рассказала, что к ней со слезами на глазах прибежала мать двух выпускников (близнецы у неё здесь учатся). Что произошло? Её ребята никуда не выезжали из села, а им пришли приглашения в государственный университет учиться!

Конечно, единый экзамен — это решение многих проблем. Это глобальный мониторинг качества. Для нас, в нашей территории, — это способ понять, что происходит в образовании. Я думаю, это и для министерства способ понять то же самое. Мы и раньше вводили у себя этот, по сути, единый экзамен по аттестации образовательных учреждений, мониторингу подготовки на уровне 11-го класса, 9-го класса, 4-го класса. Теперь, имея результаты единого экзамена, мы от этого отказались и признали в качестве аттестационной нормы результаты единого экзамена при аттестации образовательных учреждений. К аттестации учителей это не имеет никакого отношения.

Школы, имевшие высокий рейтинг, потеряли его. Зато множество школ, которые не имели рейтинга, его приобрели. Люди получают возможность выбирать то качество подготовки, которое им нужно, которое они намерены дать своим детям. Это и выбор самих детей. То есть единый экзамен — это способ управления качеством, способ объективировать результаты.

Школа получает, таким образом, внешнюю оценку; это и есть реальный высший суд для неё, для учителя, достоверная информация для потребителей образовательных услуг.

И это — безусловно прогрессивный, оптимальный способ отношений общеобразовательной школы и высшей профессиональной школы. Способ отношений, на наш взгляд, наиболее демократичный.

Почему до сегодняшнего дня и техникумы, и высшая школа проверяют государственную оценку? Потому что они ей не верят! Значит, надо ввести такую норму, которой бы верили все и не только там, где это учреждение находится, но и за 10 тысяч километров оттуда, а может быть, — и за рубежом. Почему бы и нет? Единый экзамен как государственный экзамен выясняет норму знаний и подготовки — ту норму, которую установило государство. И эта норма должна быть всеми уяснена и освоена на деле. Затем уже к ней можно подключать и так называемый портфолиер — набор тех достижений, которые человек на протяжении 10, 11, 12 лет добывал, двигаясь по этой «лестнице», — через различного рода олимпиады, конференции и так далее. Любой вуз вправе установить эту норму.

Участие вузов и техникумов хотя бы в тех регионах, где полноценно идёт эксперимент, должно быть максимально полноценным. Это чистейшая фикция, что 50% специальностей, предложенных вузами для приёма по результатам ЕГЭ, составляют 50% приёма. У нас есть вузы, которые выдвинули 50% специальностей, составляющих 23% приёма. То есть вузы лукаво уходят от решения этого вопроса. В тех регионах, которые взяли на себя соответствующие обязательства, вузы должны полностью открыть все свои специальности приёму по ЕГЭ.

Кстати, Тольяттинский государственный университет в этом году предложил все свои специальности (а их много, это большой университет) к приёму по ЕГЭ и приказом ректора приёмная комиссия была распущена.

**Г.П. Вяткин, ректор Южноуральского государственного университета**, подтвердил, что вузы участвуют в этом эксперименте без всякого принуждения.

— Ещё не сразу нас и взяли. Вуз наш большой, 51 тысяча 200 человек. Приём у нас — 9,5 тысяч человек на первый курс. Из них по бюджету — 2300. На ЕГЭ мы выделили 65 специальностей, 1165 школьников

**...Мы уже давно переросли проблему эксперимента и нужно вводить эту систему. Мы больше теряем от того, что она не вводится, чем от тех сомнений, которые мы непрерывно переживаем.**

Е.Я. Корган



сдавали экзамен. И, кроме того, ещё на 16 специальностях ребята сдавали по форме ЕГЭ и были приняты ещё 94 человека.

Сказать, что произошли какие-то революционные изменения, не могу. Конкурс был тот же самый — 2,62 человека на место, причём — и на бюджетный, и на небюджетные места (мы конкурс считаем отдельно). И когда говорят, что небюджетные студенты — это плохие студенты, не могу с этим согласиться. Уровень их несколько ниже, но плохих просто не берём. Поэтому у нас на платной основе — конкурс 2,6 человека на место.

Не произошло особых изменений и в приёме ребят из сельской местности. Мы уже лет 15 занимаемся поиском одарённых детей, ездим по сёлам, проводим тестирования, соревнования, олимпиады, чтобы выявить неординарных детей.

По поводу медалистов. У нас сдавали экзамены в этом году 1 тысяча 75 медалистов. Из них зачислен 361 человек, то есть 33% — примерно столько же, сколько и в предыдущие годы. Я думаю,

что медаль должна быть знаком отличия, а не «чеком» на льготы. Зачем льготы безусловно лучшим? Они должны участвовать в конкурсе наравне со всеми. Если он в олимпиаде победит — тогда дело другое. Если парень едет и становится чемпионом мира по прикладной математике, как я его не приму? Или когда в Америку едет наша команда и становится чемпионом мира в интеллектуальной игре, как я её не возьму?

У нас с ЕГЭ особых сложностей не было, и мы решили, что в 2003 г. опять будем просить министерство нас «принять». Хотим все экзамены провести по ЕГЭ.

И ещё один момент, которого почему-то никто здесь не коснулся, а в жизни мы все с этим сталкиваемся: давление на ректора, «телефонное право». Приходит, например, пожарный, от которого ректор весьма зависит, и говорит: «Прими!» Так вот в этом году у меня примерно в два раза меньше стало таких «пожарных» звонков и разговоров. Я теперь развожу руками и говорю: «Ну, не могу, ЕГЭ!»

## РЕКОМЕНДАЦИИ ПАРЛАМЕНТСКИХ СЛУШАНИЙ

### **Участники парламентских слушаний констатируют:**

Сложившаяся за десятилетия система обязательной итоговой государственной аттестации выпускников, которой завершается освоение образовательных программ среднего (полного) общего образования, в современных условиях требует серьёзных изменений и совершенствования. Формы и методы изменения процедуры итоговой государственной аттестации необходимо всесторонне проанализировать и обсудить.

Одной из перспективных форм единой для всех выпускников аттестации является система Единых государственных экзаменов (ЕГЭ), основанная на письменных испытаниях, проводимых независимо от школы и вуза.

Прогнозная позитивная оценка введения системы ЕГЭ организаторами эксперимента основывается на предположении, что она будет способствовать решению ряда актуальных проблем образования, в том числе: — получению более объективных данных о качестве подготовки выпускников общеобразовательной школы по сравнению с действующей системой аттестации выпускников; — использованию интегрированных результатов ЕГЭ как инструмента в управленческой деятельности в сфере общего образования; — расширению возможностей для выбора профессионального учебного заведения, специальности (направления) подготовки, в том числе за счёт участия в конкурсе в несколько учебных заведений одновременно;